

Полина Верховцева

АКАДЕМИЯ
СЕРДЦЕДОВ
Обман

Полина Верховцева Академия сердцеедов. Обман

<https://litres.ru/73985878>

SelfPub; 2026

Аннотация

Снова обман и снова сердце едва бьется в груди.

В Академии творится что-то жуткое, я на грани отчисления. А тот, кого любила, предал во второй раз.

И так много вопросов, на которые страшно получить ответ.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	44
Глава 4	64
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Полина Верховцева

Академия сердцеедов. Обман

Глава 1

— У нее закреп на это дело, — ректор Хор’рейн подвел неутешительный итог затяжного допроса.

За эти часы я столько раз повторила свою историю, что у меня уже не ворочался язык. Раз за разом мне приходилось рассказывать, как почувствовала, как шла на зов, как доставали тело из воды. Меня расспрашивали все, начиная от гончих из Хайса и заканчивая нашим ректором. Даже госпожа Нора — и та отметилась, задавая вопросы с таким видом, будто считала именно меня виновной в гибели адепта.

Я чувствовала себя опустошенной.

Рядом со мной все это время находился угрюмый Доминик, которому пришлось повторять свою версию событий. Он не чувствовал никакого зова, но сунулся за мной в катакомбы, потому что так приказал магистр Райдо.

Я была благодарна и нашему тренеру по физической подготовке, и самому Нику. Без них мне бы не удалось вытащить того парня, и, скорее всего, нас обоих попросту смыло бы в

подземный канал.

— Из-за того, что первая жертва была ассоциирована с отцом, поисковый дар адептки Найтли замкнулся на связанные случаи, — доносилось сквозь туман в голове. — Ну и адепт Верано приложил руку, пытаясь в обход преподавателей натаскать ее на поиск.

Лекс тоже был тут. Стоял возле дверей, заложив руки за спину, и смотрел прямо перед собой:

— Виноват.

В голосе ни раскаяния, ни сожалений.

— Минус двадцать баллов за опасное самоволие и нарушение правил учебного процесса.

У моего бывшего наставника даже глаз не дернулся от такого наказания. Он лишь кивнул, принимая его полностью и безоговорочно.

— Что касается адептки Найтли...она уже дважды помогала находить погибших. Ее участие неоченимо, но... — Хор`рейн сделал паузу и посмотрел на меня так, что захотелось провалиться сквозь землю, — она слишком слаба, чтобы постоять за себя. С этого момента перемещаться по академии ей можно только в сопровождении охраны. Вне зависимости от того, день на дворе или ночь. На занятия она идет или вышла перекусить в столовую — она всегда должна быть на виду. Адептка Найтли понимает, о чем я говорю?

Я кивнула:

— Все поняла.

— О любом подозрении или всплеске зова, ты должна немедленно сообщать сопровождающим. Больше никакого своеволия и безумного геройства. Дважды повезло, а на третий раз все может закончиться плохо. — Жесткий взгляд вперился в меня, пригвоздив к месту. — И больше никаких игр с поиском, никаких несанкционированных тренировок. Даже в шутку! Твоих сил не хватает контролировать зов. Ты отдаешься ему полностью, не думая о последствиях и о путях отступления. Бездумно следуя за ним, однажды ты сама себя загонишь в ловушку. Я ясно выражаюсь?

Кажется, он сомневался, в том, что я способна адекватно воспринимать его слова.

— Ясно.

— Отныне ты под наблюдением, Ева. Для твоего же блага. И мы надеемся на осознанное сотрудничество с твоей стороны. Уже двое адептов погибли, а мы до сих пор не знаем, в чем причина и кто за этим стоит. Ситуация сложная. Вдобавок уже две неопознанные черные сущности бродят по территории Вэсмора. Наша задача — защитить учеников и предотвратить новые преступления, поэтому твой закреп крайне важен для расследования. И если ты хоть что-то почувствуешь, хоть какой-то отголосок — сразу дай знать.

— Я все понимаю.

— Очень на это надеюсь, — предельно серьезно сказал Хор'рейн, — можешь идти. Я на день освобождаю тебя от занятий.

Когда я дошла до корпуса, на востоке уже занималась заря. Острые росчерки облаков, подсвеченных алым, походили на следы от когтей и порождали в душе тревогу. Это место перестало казаться волшебным. Главный корпус академии выглядел зловещей громадой, жилые корпуса — серыми чудовищами, тарашащимися на мир темными провалами окон. Тот, кого полюбила, предал второй раз, а за спиной молчаливой тенью маячил мрачный страж из Хайса.

У меня не осталось ни сил, ни желания думать о том, что будет дальше, и переживать. Будто разом погасили все эмоции, оставив только непроходимую усталость и апатию. Надо просто жить, учиться, делать все, чтобы достичь своей цели, а дальше — будь что будет.

Страж довел меня до двери женского корпуса и, убедившись, что я зашла, удалился. Я прошла мимо дремавшей комендантши и по скрипучей лестнице поднялась на третий этаж.

В нашей с Кайлой комнате, пробиваясь тусклой полосой под дверью, горел свет — единственной на этаже. Кайла, переодевшись в домашнее, сидела на кровати и монотонно листала страницы учебника.

— Ты чего не спишь?

— Жду тебя. Как ты?

— Не знаю, — пожала я плечами, — ничего не чувствую.

Прости за платье, я его испортила.

Красный наряд висел на мне бесформенной грязной тряпкой. Кто-то из преподавателей высушил меня, чтобы не мерзла, но ткань заскорузла, потеряла блеск и выглядела так, будто ей мыли полы.

— Ерунда, — отмахнулась подруга, — просто выброси его.

Я разделась, скомкала грязные вещи и сунула их в мешок. Завтра вынесу на мусорную кучу. Все завтра. Сейчас хотелось только одного — смыть с себя эту ночь и лечь в постель. Хотелось спать, но я сомневалась, что засну. Стоило только прикрыть глаза, и я снова слышала шум темной воды и ощущала тяжесть безвольного тела на руках. И образы, пугающе яркие и отчетливые, налетали один за другим, выбивая из легких воздух.

Освобождение от занятий оказалось не лишним. Ночью я так и не сомкнула глаз и поутру была как вареная калоша. События в катакомбах и допрос высосали меня подчистую. Когда Кайла уходила на занятия, я лишь слабо махнула рукой и отвернулась к стене. Усталость давила страшная — не вдохнуть и не подняться. В теле ни одного живого места, а в душе... Я лучше промолчу о том, что творилось в душе.

Кто-то приходил ко мне. Стучал в дверь и, кажется, даже звал по имени, но я не открывала, только сильнее куталась и прятала голову под подушку.

В этот тяжкий день мне не хотелось никого видеть и уж

тем более отвечать на чьи-то любопытные вопросы. В свете последних событий академия наверняка гудела, словно встревоженный улей, и наполнилась слухами — адепты жаждали узнать подробности из первых уст. У меня на это не было сил. Пусть Оливио отдувается — он болтать любит. Ему не составит труда нагнать жути и красочно описать свой подвиг. Пусть хоть героем себя выставит, хоть спасителем мира — мне все равно. Лишь бы меня не трогали.

Ближе к полудню, так ни разу и не поднявшись с кровати, я все-таки смогла заснуть, но, увы, вожденный сон не принес облегчения. Я просыпалась через каждые десять минут в холодном поту и с безмолвным криком, рвущимся из груди. — Все, хватит.

Я пропустила завтрак и обед, и к вечеру в животе было так пусто, что его заунывные трели раздавались на весь этаж. Вконец измученная, я все-таки поднялась и поплелась в душевую, а потом тихой тенью выскользнула из комнаты.

Пока шла до столовой, ощущение, что на меня все смотрят, не пропадало ни на миг. Чужое внимание не ослабевало, даже несмотря на то, что позади грозной тенью маячил страж из Хайса.

Со мной несколько раз пытались заговорить те, с кем никогда прежде и словом не перекинулись: девчонки со старших курсов, парни. Всем было любопытно. Я же ничего не могла сказать в ответ на их вопросы, потому что как только речь заходила о ночных событиях, так язык примерзал к

небу. Не готова, не хочу. И не буду.

В столовой, чтобы хоть как-то спрятаться от навязчивого внимания, я заняла самый непопулярный столик в тесной нише. Села спиной ко всему остальному залу и принялась уныло копать вилкой в тарелке с лапшой и жареной курицей. Вкуса почти не чувствовала, но ела, потому что надо. Неизвестно, что ждало впереди, и если продолжать страдать и морить себя голодом, то однажды мне попросту не хватит сил выдержать очередное испытание, которыми так щедро разбрасывалась судьба на этом берегу реки.

Место было неудобным, да и страж встал так, что его высокая темная фигура перекрывала подходы, поэтому на меня смотрели, но не трогали.

Но не все.

Блаженная Стелла, кажется, даже не заметила препятствия. Беспечно прошла мимо него, протиснулась в самый угол и, поставив на стол поднос с едой, села напротив меня.

— Привет. — На губах, как всегда, рассеянная улыбка, и взгляд такой, будто в этом мире нет проблем и по сахарным облакам скачут розовые пони.

Я даже немного завидовала ей за способность не замечать, что мир не идеален.

— Привет.

— Ты как? — Она отщипнула кусок краюхи и отправила его в рот.

Я пожала плечами, не зная, что сказать.

Как я? Измучена, опустошена, но уж точно лучше, чем тот бедолага, которого мы вытащили из канала. Хор'рейн был прав: жизнь продолжалась.

— Нормально.

— Ну и хорошо.

Стелла отломилла еще кусок, напрочь забыв о том, что на подносе, кроме хлеба, есть и жаркое, и овощи. Мне даже пить захотелось, когда смотрела, как она жевала всухомятку. Но самой Стелле, похоже, это не доставляло дискомфорта. Ее голова была занята другим:

— Это правда, что ты нашла мертвеца?

С чувством такта у нее не очень, но я уже привыкла, поэтому просто кивнула.

— Прямо совсем мертвого?

— Совсем...

— И даже не шевелился? И не моргал?

Я прикрыла глаза рукой, потом потерла переносицу и тихо кашлянула.

— Да. Он был совсем мертв. Не шевелился, не моргал и не подавал никаких других признаков жизни. Совсем-совсем мертв. На все сто.

— Жалко, — нахмурилась она, — хороший парень был.

— Ты его знала?

— Нет.

На этом разговор затих, но спустя несколько минут, когда Стелла покончила с хлебом, у нее появились новые вопросы:

— Как ты его нашла? Я вот сколько ни бродила по академии, ни одного мертвяка не видела. А ты уже двоих.

Судя по грустному разочарованному взгляду, она об этом очень сожалела.

— Мне просто «повезло».

Стелла непонимающе нахмурилась, потом подалась вперед и шепотом спросила:

— У тебя есть тайный осведомитель?

Боги, какой бред...

— Нет.

— Тогда, может, ты случайно подслушала про заговор? — Глаза Стеллы наполнились возбужденным огнем. — Услышала, как кто-то обсуждал, куда спрятать тело, и ринулась в бой?

— Нет.

Стелла замолчала, пытаясь переварить мой ответ, а потом неуверенно уточнила:

— Ну не сама же ты его убила... Или сама?

Кажется, в этот момент в столовой повисла гробовая тишина. Даже вода в чайниках перестала булькать.

Между лопаток настороженно жгли десятки чужих взглядов.

— Нет конечно! — прошипела я, мысленно ругая блаженную подругу на все лады. — У меня просто закреп на это дело.

У Стеллы удивленно вытянулось лицо и округлился рот,

превратившись в букву «О». Пару раз моргнув, она с благоговейным придыханием произнесла:

— Кру-у-уто. Я тоже так хочу.

Так... Все... С меня довольно.

Я залпом допила компот и поднялась из-за стола.

— Я, пожалуй, пойду. Устала.

Меня никто не попытался остановить, но чужие взгляды, как и прежде, неотступно следовали за мной.

На крыльце я остановилась. Куда идти? Что делать? Сама мысль о том, чтобы вернуться в душную комнату, казалась унылой. Мне не хватало воздуха, но зато с избытком хватало чужого внимания, поэтому я пошла в парк. По тихим дорожкам добралась до озера, обогнула его, задумчиво пиная перед собой маленький камень, а потом и заняла лавку возле ракитового куста. Устало ссутулившись, уставилась на темную воду. Каждый ее всплеск морозом проходил по коже и заставлял меня сжиматься все сильнее.

Я не боялась воды и, живя на том берегу в Муравейнике, не раз в детстве заплывала так далеко, что остальные ребята не осмеливались отправиться следом. Меня не пугала ни темная пучина, ни водоросли, обвивающие ноги, ни огромные рыбины с распахнутыми ртами. Я тогда надеялась, что однажды мне хватит сил переплыть реку и добраться до Хайса.

А теперь даже безмятежный тихий пруд вызвал содрогание.

Но я не уходила. Продолжала сидеть, смотреть, слушать. Заставляя себя привыкать. Мне не нужен этот страх, я не хочу его. Я боролась с собой, но в то же время была безумно благодарна, что чуть поодаль на лавке сидел молчаливый страж. С ним спокойнее.

Тем временем из воды выбрались жирные серые утки и, требовательно крякая, вперевалочку направились ко мне.

— Простите, ничего нет, — тихо произнесла я, а они продолжали ходить вокруг, трести головами и шлепать широкими клювами.

Одна из них, самая смелая, подошла вплотную и дернула меня за подол, требуя угощения, но, так ничего и не получив, возмущенно удалилась. Мне тоже пора было уходить. И хотя до комендантского часа было еще далеко, осенние сумерки уже опускались на академию Вэсмор. А с недавнего времени я, кажется, перестала любить не только воду, но и темноту.

Сделав еще один круг вдоль озера, я свернула к жилым корпусам, но пошла не главной дорогой, а в обход, чтобы лишний раз ни с кем не столкнуться. Завтра я соберу себя в кучу, возьму эту кучу в руки и буду готова смотреть людям в глаза, а сегодня позволю себе еще немного слабости и уединения.

Однако с уединением случилась накладка.

— Ева! — истошный полуистеричный вопль заставил меня вздрогнуть и оглянуться.

Ко мне спешила Эмми, и даже издали было видно, как

гневно полыхали ее щеки. Общение со сводной сестрой — это последнее, чего мне хотелось в такой угрюмый день, поэтому я пошла дальше.

— А ну-ка стой! — снова завопила она, ускораясь.

— А ну-ка иди в... — пробурчала я себе под нос, даже не думая останавливаться.

Эмми нагнала меня шагов через двадцать. Встала поперек дороги, преграждая ее своей внушительной грудью, и словно разъяренная гусыня прошипела:

— Ты нарочно это сделала, да?

Я даже понимать не хотела, о чем речь. Попыталась уйти, но Эмми снова перегородила дорогу и, яростно ткнув острым пальцем мне в плечо, гаркнула:

— Специально все испортила!

— Подробнее, сестрица. Я плохо понимаю разрозненный бред.

Она пошла пятнами:

— Хеммери — мой!

— Прекрасно. Счастья вам, здоровья и всяческого благополучия. Мне пора.

— Не паясничай! — взвизгнула Эмми, схватив меня за локоть.

В груди кольнуло, перед глазами полыхнуло черным. Я едва сдержалась, чтобы не ударить Эмми, настолько мне были неприятны ее прикосновения.

— Убери. От меня. Свои. Руки, — процедила я отрыви-

сто.

Эмми вскинулась, но, напорвшись на мой взгляд, все-таки отпустила. Дралась я всегда лучше их с Камиллой вместе взятых. В детстве Карла не раз растаскивала нас с сестрами, после чего я обычно отправлялась в угол и оставалась без ужина, а ее любимые девочки получали мороженое. Сейчас ситуация была другой — она всего лишь прачка, а я адептка академии. Мороженого не будет.

— Так бесит, что он выбрал меня? Не хватает мозгов и гордости по-тихому отступить в сторону?

Я медленно вдохнула. Потом так же медленно выдохнула.

— Про что ты, болезная?

— Про бал! — взвизгнула она, снова покрываясь пятнами.

Я уже забыла о том, что был какой-то бал. Темень катакомб вытеснила из памяти блеск позолоты главного зала, а тяжесть безвольного тела заменила воспоминания о кавалерах, увлекавших в очередной танец.

— Не смогла смириться, да? Что угодно, лишь бы мне помешать? — Эмми заводилась все больше и больше. — Признавайся, ты ведь специально полезла в ту дыру за дурацким покойником, чтобы сорвать бал и не дать мне спокойно провести время с Коулом?!

— За дурацким покойником? — глухо переспросила я.

У меня уже не хватало сил удивляться ее равнодушию, отсутствию такта и каких-либо зачатков совести.

— Да! Назло мне туда полезла, пока танцы шли! Знала, что после твоей выходки всех разгонят по домам. А я знаешь как ждала этого бала? Знаешь?! Что тебе стоило просто свалить в свою нору? А когда бы все закончилось, могла лезть хоть за покойниками, хоть в петлю! Так нет ведь, все назло мне! Все специально!

Я не выдержала и бросилась на нее. Если бы не страж, появившийся рядом словно по мановению волшебной палочки, то я бы так ее отвалтузила, что даже Карла не узнала бы свою кровиночку.

— Не надо, — покачал головой страж, одарив меня предупреждающим взглядом.

— Вы видели? — завопила Эмми. — Видели?! Она мало того, что вредит и жить мешает, так еще и бросается! Она...

Страж перебил ее холодным, равнодушным тоном:

— Неуважительные слова в адрес погибшего я слышал и доложу об этом ректору.

— Да я... просто... — Эмми тут же начала испуганно блеять, а я, сколько ни дергалась, не могла вырваться из жесткого хвата стража. — У меня же любовь... а она мешает... понимаете? Я не имела в виду ничего плохого! Просто отстаиваю свое счастье.

— Марш на свое место, — приказал он, — и не смей попадаться мне на глаза...

Перепуганная сестра подхватила юбки и бросилась бежать так, словно за ней по пятам неслись огненные псы. И

только после этого Страж меня отпустил:

— ...Не разменивайся на дураков, Найтли. Они того не стоят.

Глава 2

На следующее утро зарядил первый по-настоящему осенний дождь. И так не хотелось вылезать из-под одеяла, что я пожалела, что освобождение ректора действовало только один день.

— Брр, ну и погодка, — ворчала Кайла, придиричиво осматривая окно. — Надеюсь, нашу жижу не смоеет...

То зелье оказалось поистине волшебным. Уже несколько раз мне доводилось слышать, как недовольные адепты из корпуса напротив возмущались, что у нас мутное стекло и сквозь него ничего не видно.

Все видно! Нам. А на нас пусть не пялятся.

Кайла собиралась на занятия в главный корпус, а мне предстояло отправиться на полигон, и от этого настроение сползло еще ниже. Вряд ли Райдо остановит такая мелочь как дождь. Заставит и по грязи ползать, и по сырым развалинам карабкаться.

Заранее предвкушая грязное занятие, я заправила брюки в ботинки, затянула шнуровку потуже. Поверх плотной рубахи накинула короткую куртку с капюшоном. Потом подумала и вместо косы сделала тугий рогалик на затылке.

За десять минут до начала к полигону начали стягиваться нахохленные адепты. Некоторые беспомощно поднимали воротники, пытаясь закрыться от непогоды, те, что поумнее,

натягивали на голову капюшоны, но все выглядели одинаково недовольными.

— Эх, и поедим мы сейчас земельки... — Браен угрюмо кивнул на размытую полосу препятствий, и я заранее почувствовала скрип песка на зубах.

— В такую погоду надо освобождать от занятий, — пробасил в ответ кто-то из стражей.

— Может, вам еще чайку горячего, товарищи адепты? — Райдо, как всегда, появился словно из ниоткуда. — Какао там... или булочек с маком?

Адепты моментально затихли и вытянулись по стойке смирно.

Хонер неспешно прошел вдоль нашего ряда, поочередно переводя взгляд с одного лица на другое. На мне задержался на секунду дольше, чем на остальных, но ничего не сказал, только поджал губы в горькой усмешке.

— Ну что ж, раз вы так ждали возможности поваляться в грязи, кто я такой, чтобы вам мешать...

Раздался чей-то тихий стон.

— Да-да, и можете так явно не радоваться, — Райдо шутил в своей привычной грубой манере, но глаза оставались серьезными, — для разминки десять кругов по внутренней траектории.

— Может, по внешней? Там хоть дорога мощеная.

— По внутренней, — коротко повторил магистр, давая понять, что разговоры окончены. — Вперед.

И мы побежали.

Со стартовой площадки сместились на размытую глинистую тропу, растянулись по ней вереницей один за другим и только успевали материться, когда ноги расползались на рыжей глине. К концу первого круга несколько человек могли похвастаться грязными коленками. К концу третьего — чуть ли не половина, а на исходе десятого — грязными были все. Зато было уже все равно, когда Райдо отправил на полосу препятствий.

Первая пара стражей дружно плюхнулась в грязь и поползла под натянутой проволокой, остальные, не задумываясь, ринулись следом.

— Орлы! Хорошо идете! — похвалил магистр. — Повторите этот элемент трижды!

Гад...

Но никто и не подумал спорить, вместо этого покорно отправились исполнять приказ. Я тоже ползла, отплевываясь от грязи и ни о чем не думая. Да и какие тут могут быть мысли, когда все силы уходят на то, чтобы не упасть? Даже легче стало. Я сосредоточилась на движении, и на все остальное просто не оставалось ресурсов. Хлюпанье грязи вытесняло из головы плеск темной воды в каменном канале, дождь в глаза бил настойчивее, чем темнота катакомб. А толпа потных, насквозь промокших парней отвлекала от мыслей об одном-единственном.

В какой-то момент я поймала себя на мысли, что готова

хоть весь день ползать по полигону, если это поможет справиться с переживаниями.

Правда, быстро передумала.

— На большую полосу!

Мы разделились на две группы и пошли по препятствиям параллельно: разрушенная лестница, забор с наклонной доской, бревно с движущимися мишенями. Потом выскочили к моей любимой лестнице, уводящей высоко от земли. Сегодня на ней было особенно сложно от того, что бревно, перекинутое от одной опоры до другой, было сырым. Кто-то даже сорвался, но силовое поле успешно сработало, предотвратив травмы и гибель. Продвигались по нему медленно, кто-то, например я, вообще ползком.

Затем настала очередь разрушенных зданий. Мы карабкались по стенам, скатывались по сырым крышам, скользили по канатам, извивавшимся в руках, словно морские змеи. Обычно адепты находили силы и время перекинуться парой фраз и даже посмеяться, а сегодня вся полоса была погружена в тишину, прерываемую лишь тяжелым дыханием, редким матом и хрипами.

— Давайте, девочки! Быстрее! — продолжал глумиться Райдо.

Не знаю кто как, а я под конец тренировки уже желала ему острого поноса и кашля одновременно. Измучил!

Оставалось еще немного: два дома в руинах, потом сетка и в конце столбики посреди большой лужи. Я преодолевала

их на чистом упрямстве. Дважды свалилась плашмя в лужу, вылезала и начинала проходить препятствие заново, и когда добралась до финишной черты, ни одного живого места на мне не осталось. Вымотанная, как тряпка, я просто рухнула на траву рядом с такими же запыхавшимися бедолагами.

— Ну что я могу сказать... — Райдо окинул нас оценивающим взглядом, — скорость, конечно, так себе, но в целом неплохо. Уже похожи на личинок стражей, а не на бабушкиных внуков, заедающих варенье блинчиками.

И на том спасибо.

Мы дождались отстающих, выстроились в шеренгу, надеясь, что нас сейчас отпустят, но не тут-то было. Добрый магистр приготовил еще один сюрприз.

Откуда ни возьмись на нас обрушились потоки воды. Кто-то закашлялся, кто-то заорал от испуга, я так и вовсе едва не повалилась на землю, но меня удержали за шкурку, не позволив упасть.

— Душ, — глядя на наши ошеломленные лица, Райдо расплылся в довольной улыбке, — чтобы грязь в корпуса не тащили. Не благодарите.

— А мы и не собирались, — буркнул кто-то слева.

— Ну и правильно, — согласился Хонер, — давай-ка еще три круга.

Бедолага, посмевающий поворчать, снова отправился в забег. Остальные предпочли промолчать.

Уходила я с полигона без килограммов грязи на портках,

зато мокрая до трусов. В ботинках хлюпало, с волос текло. Шедшие навстречу адепты третьего курса уныло смотрели на наш плачевный вид, уже догадываясь, что их ждет нечто подобное.

И, к огромному моему сожалению, среди этих пока еще чистых персонажей попался Хеммери.

Я сместилась влево, надеясь просто пройти мимо, но он шагнул в ту же сторону. Пошла вправо — он туда же. А когда поперла напролом, просто преградил путь, как скала. Я даже не рассчитывала, что мне удастся спихнуть его с места. Сильный гад. Поэтому остановилась и угрюмо спросила:

— Чего тебе?

Коул сделал шаг навстречу, но остановился, напоровшись на мой взгляд, и поспешно спрятал руки в карманы, будто боялся, что не выдержит и схватит меня.

— Ты как?

— Отлично. Что-то еще? Нет? Тогда я пошла.

Попыталась его обойти, но он снова помешал.

— Ев, я просто спросил...

— Ммм, — хмыкнула я, — спасибо, что проявляешь участие. А что не через неделю подошел? Или через две? Эмми не отпустила?

Я вдруг поняла, что, несмотря на логику и здравый смысл, все эти дни ждала, что Хеммери появится. В душе еще жила память о том, что с ним легче, любые невзгоды кажутся не такими уж страшными. Ждала, как дура, боясь самой себе

признаться в этом. А его не было! С той страшной ночи ко мне кто только ни подходил. И старшие, и однокурсники, и знакомые, и не очень. Кто угодно, но только не он. А теперь нарисовался! Стоял напротив и смел спрашивать, как у меня дела!

— Я... эээ... — замялся, а потом угрюмо буркнул, — запретили к тебе соваться. Сказали, ноги вырвут, если спровоцирую очередной всплеск...

— Кто вырвет? — не поняла я. — Какой всплеск?

Он хотел еще что-то сказать, но нас прервали.

Внезапно страж, который обычно следовал на отдалении и лишний раз не попадался на глаза, подошел вплотную и строго произнес:

— Надо переодеться. Замерзнешь.

— Мне тепло, — попробовала я возразить, но меня не очень-то слушали.

— Марш к себе.

И для верности развернули в нужном направлении.

Возмущаться было бесполезно, потому что в этот раз страж шел бок о бок со мной и на любой протест указывал направление, в котором я должна двигаться.

Последнее, что я увидела, успев обернуться перед поворотом, — это как Райдо трепал Коула за загривок, словно тот был бестолковым котенком. Ерунда какая-то. Зачем Коулу запретили ко мне подходить? Боятся, что я его побью, и в Вэсморе станет на одну жертву больше? И что за всплеск

неведомый? Вопросов накопилось много, и единственным, кто мог дать хоть какие-то ответы, был Верано.

Поэтому, переодевшись в сухое, я снова выскочила из комнаты и отправилась в главный корпус.

Лекс нашелся в лаборатории подвального этажа. Сидел, обложившись книгами, и что-то самозабвенно выписывал.

— Кхм-кхм! — громко кашлянула я, привлекая к себе внимание.

Обернувшись через плечо, Лекс посмотрел на меня и как ни в чем не бывало возвратился к работе. До чего ж радушный парень! Просто загляденье!

Я села напротив и, не зная с чего начать разговор, принялась барабанить пальцами по столу. Лекс раз на это глянул, два, три, потом прихлопнул своей ладонью мою.

— Заканчивай.

Я аж вздрогнула от неожиданности:

— Прости.

— Ты так громко думаешь и пыхтишь, что невозможно работать.

Лекс был в своем репертуаре, но я, наверное, уже привыкла к нему и его манерам, поэтому даже не обратила внимания на сердитые слова.

— Хеммери и правда запретили ко мне приближаться?

— Возможно.

— Почему?

— Тебе нечем заняться, Найтли?

— Просто ответь на мой вопрос.

Он отложил в сторону карандаш и, уперевшись обоими локтями на стол, склонился ко мне:

— Ты ведь не отстанешь?

— Ни за что, — с готовностью подтвердила я.

Лекс досадливо цыкнул, но все-таки снизошел до ответа:

— Ему запретили к тебе соваться, потому что из-за последних событий у твоего дара нестабильный фон. Он может перейти в одержимость, и тогда ты будешь ломиться туда, не знаю куда. Потеряешь аппетит, не сможешь нормально спать, начнешь истощать свои ресурсы и в итоге...

— Можешь не продолжать, — прервала я описание радужных перспектив. — А Коул-то здесь при чем?

— Ты из-за него переживаешь.

— Не настолько.

— Хор'рейну виднее.

— Оу, — я покраснела, а потом и вовсе спрятала лицо в ладонях, — то есть даже ректор в курсе наших взаимоотношений.

— А чего ты хотела? К тебе теперь всегда будет повышенное внимание. К тому же мы все одна большая дружная семья, — хмыкнул Лекс, не скрывая иронии.

Это позор. Просто самый позорный позор в моей жизни.

— Тебе тоже запретили ко мне приближаться?

Он хмыкнул:

— Да, но уже по другой причине.

— Чтобы плохому не научил?

В этот раз Верано вполне искренне улыбнулся:

— Формулировка была немного иной, но суть именно такая.

Я представляла, как сильно ему влетело за то, что без спроса взял меня под крыло и пытался сделать гончей в ускоренном режиме:

— Ты прости, что из-за меня у тебя проблемы.

Лекс покачал головой:

— Я ни о чем не жалею. И если бы выпал шанс что-то переиграть, я бы изменил только одно: начал бы эти тренировки гораздо раньше.

Просто непробиваемый гад. Идеальный в своей упертости.

— Ну спасибо...

— Может, тогда ты бы почувствовала опасность чуть раньше, и мы бы смогли спасти бедолагу в подвале. Но... ректор прав, я не подумал о твоей безопасности и о том, что ты можешь сунуться куда-то сама, не предупредив меня или стражей.

— Называй вещи своими именами, Верано — ты просто не смог просчитать мою дурь.

— Каюсь, не смог, — рассмеялся он, но смех быстро оборвался. — Если бы за тобой не увязался Оливио, скорее всего, мы бы сейчас лазили в подземельях, разыскивая два трупа. Так что все, Найтли. Давай без самостоятельности. А если

тебя все-таки накроет, то не думай, не накручивай, а сразу беги к тому, кто может помочь.

— К тебе, что ли? — фыркнула я.

— Да хоть ко мне. — От его серьезного взгляда по спине побежали мурашки. — Поняла, Ева? Никакой самостоятельности! Даже если тебе будет казаться, что это глупости и ты просто взглянешь одним глазиком. Поняла?

— Да поняла я, поняла, — проворчала. А потом поинтересовалась: — Что-нибудь известно про магистра Меррана? Когда он вернется?

— Как только сможет, — прохладно отреагировал Лекс. Понятно. Спрашивать у него что-то бесполезно. Даже если знает — не скажет.

— С ним хоть все в порядке?

Ответ мне не понравился:

— С переменным успехом.

— Ты знаешь, где он?

Лекс поднял брови, взглядом показывая, что ничего не скажет. Упертый! Хотя кто я такая, чтобы со мной делились такими сведениями? Просто адептка первого курса, без роду и племени, по какой-то нелепой случайности попавшая в академию. И толку от меня — ноль, кроме того закрепя, который случился из-за амулета, похожего на отцовский.

Кстати, об амулете...

— У магистра Хейдена есть информация по медальону. Он сам об этом сказал

Мне было не стыдно закладывать преподавателя. Наши игры с Лексом уже раскрыли, так что договоренности больше не имели смысла. Да и не та сейчас ситуация, чтобы хранить тайны от следствия. Любая мелочь могла оказаться решающей.

Однако Верано совершенно не заинтересовался этой новостью и даже не удивился.

— Он уже все рассказал. В тот же день.

— И что же это?

— А это, адептка Найтли, не твоего любопытного ума дело, — он бесцеремонно постучал кончиком пальца мне по лбу, — лучше займись учебой. Говорят, результаты у тебя не очень.

Я отпихнула его от себя и, возмущенно пыхтя, потерла лоб:

— Нормальные у меня результаты. Не хуже, чем у остальных.

— У меня другая информация, — самодовольно улыбнулся темноволосый гад.

— И все-то ты знаешь. Создается впечатление, что ты — мой тайный воздыхатель и следишь за каждым моим шагом.

Он аж подавился, бедолага, и закашлялся. Я от души похлопала ему по спине, так что даже ладонь заломило.

— Да хватит уже, — он перехватил мою руку. Сжал так, что чуть кость не треснула. — Хватит!

— Я просто хотела помочь, — мило похлопала ресница-

ми.

Наверное, мило... По крайней мере, я так думала, но у Лекса нервно дернулась бровь, по потом кадык.

— Не надо мне помогать.

Похоже, кокетка из меня так себе. Ну и ладно. Было бы кого очаровывать! Да и вообще, после предательства Хеммери я и близко не подойду к парням. Только ради дела.

— Как хочешь, — улыбнулась я и вытянула руку из его захвата, — я пойду, раз ты все равно ничего не рассказываешь.

Верано снова подвинул к себе свитки:

— Не смею задерживать.

Непробиваемый.

Из лаборатории я уходила в странных чувствах. Вроде и правильно все он говорил — мне лучше держаться подальше от всей этой заварухи, — но любопытство... Что делать с дурацким любопытством, которое нашептывало, что мне непременно надо узнать, что же такого хотел сообщить Хейден в обмен на мою руну?

Я даже была готова отправиться на поиски магистра, но потом вспомнила, что вообще-то учебу никто не отменял, и во второй половине дня меня ждало изнурительное занятие по начертанию сигнальных символов совместно с вестниками под руководством глубокоуважаемой и горячо любимой госпожи Норы. Я уже заранее готовилась к неприятностям.

Пока поднималась на третий этаж, едва справлялась с ощущением, будто на каждой ноге висело по здоровенной

гире. Не хотелось туда идти. Да и с чего должно было хотеться? Она снова выставит меня полной бездарностью перед остальными адептами, в очередной раз скажет, что такой бестолочи нет места в Вэсморе, и что она всеми силами постарается завалить меня на экзаменах. Все, что я могла, — это постараться не злить ее еще сильнее, поэтому специально пришла пораньше и заняла место в последнем ряду, чтобы лишний раз не привлекать внимания.

Но не тут-то было.

Стоило ей только войти в аудиторию, как гневный взгляд метнулся в мою сторону. Она будто специально искала меня и, убедившись, что я на месте и не получится вкатить дополнительный штраф за опоздание, рассердилась.

Я втянула голову в плечи и склонилась над тетрадью, молясь о том, чтобы просто тихо пересидеть это занятие. Когда-то же это должно закончиться, и госпоже Норе надоест тратить на меня свое драгоценное время.

— Довожу до вашего сведения, что произошли изменения в учебных планах, — сходу заявила она, заняв свое место за преподавательским столом. — Ваш преподаватель временно задействован на службе у Хайса, поэтому я буду заменять его до конца года. И экзамен принимать буду тоже я.

Ну вот и все.

Теперь у меня будет провал не только по рунам, но и по сигнальным. Мне в жизни не выучить так, чтобы она осталась довольна и поставила хотя бы минимум проходных бал-

ЛОВ.

Я пыталась найти плюсы и убедить себя в том, что по остальным предметам все не так уж и плохо, и мне удастся выехать на них, но становилось все труднее сохранять бодрость духа. Она меня точно завалит! И плакали мои мечты о собственном салоне рун.

— А теперь перейдем к результатам работ, которые вы мне сдавали по прошлому разделу.

Ах да, еще работы... Столько переживаний навалилось в последнее время, что я уж и забыла о них. Кажется, что это было давным-давно, еще в прошлой жизни.

— Результаты не так плохи, как я ожидала. Не все, но многие справились с работой. Так что потенциал есть, будем его развивать.

Это точно не про меня. Госпожа Нора была искренне уверена, что мой потенциал — махать тряпкой в какой-нибудь занюханной таверне и подавать выпивку вонючим мужикам.

— Баен — семь из десяти. Хорн — восемь. Эмбер и Валис — по шесть баллов... — Она монотонно перечисляла результаты, и большинство адептов не дышали до тех пор, пока не слышали свою фамилию. — Оливио — восемь...

Надо же! Я встrepенулась, услышав результат своего напарника. Восемь? Неужели оценила? Да быть такого не может! Она бы в жизни мне столько не поставила! Максимум пять из десяти.

Но я недооценила госпожу Нору. Моя фамилия прозвуча-

ла последней.

— Найтли ожидаемо не сдала. Два балла.

Карандаш, который я все это время судорожно сжимала в руке, треснул и сломался. Два? Два из десяти? За ту же работу, за которую другой адепт получил восемь?! Это уже перебор.

Проглотить обиду я не смогла. Смолчать не хватило сил. И уже не было мыслей о том, что с преподавателем ругаться нельзя, что преподаватель всегда прав, что ему виднее.

Однако я рта открыть не успела, как раздался голос Доминика:

— Госпожа Нора, а почему такие отметки?

— Вас что-то не устраивает, адепт Оливио? — Она выудила из стопки его лист. — Восемь из десяти. Неплохая работа.

— И она слово в слово совпадает с работой Найтли.

Не в силах сдержать изумление, я повернулась к нему. Блондин сидел на соседнем ряду и как ни в чем не бывало смотрел на строгую преподавательницу. Остальные притихли. Я так и вовсе проглотила язык и все, что к нему прилагается. Понятия не имела, что его заставило встать на путь справедливости, но одно знала наверняка — он дурак. Наивный глупыш, не понимавший, сколько проблем при желании может доставить госпожа Нора.

Кончиком пальца она спустила очки в резной оправе и поверх них посмотрела на Доминика. Спокойная, как скала, и лишь едва заметный румянец на сухих щеках выдавал ее

недовольство.

— Вы предлагаете мне пересмотреть оценку?

— Почему бы и нет? Разве не странно, что за одну и ту же работу два адепта получают разные отметки? Возможно, Найтли тоже написала на восемь?

Я ушам своим поверить не могла и, когда госпожа Нора перевела на меня ледяной взгляд, залилась истошным руганьем.

Она растянула губы в ничего не значащей улыбке:

— А возможно... я ошиблась с вашей оценкой, адепт Оливиио.

На месте блондина я бы заткнулась, но он просто пожал плечами:

— Все может быть, госпожа Нора.

Судя по тому, как блеснули светлые глаза за стеклами очков — ему конец. Только Оливиио это не слишком волновало. Напугать золотого мальчика из Хайса не так просто, как безродную девчонку из Муравейника. За ним стояли родители и их деньги. За мной же не стоял никто. Поэтому я склонилась ниже к тетради и остаток занятия молилась, чтобы меня не трогали.

И то ли у Норы сегодня настроения не было, то ли останавливало то, что Ник публично поднял вопрос о несправедливой оценке, но она за все занятие ни разу ко мне не обратилась. Даже не посмотрела в мою сторону. Но легче от этого не становилось. Завтра меня ждало индивидуальное занятие

по рунам, и вот там-то с глазу на глаз она выплеснет все, что накопилось.

Получив задание на дом, адепты начали поспешно собираться. Никому не хотелось задерживаться рядом с госпожой Норой дольше, чем того требовало расписание.

С Оливио мы столкнулись возле лестницы. Я споткнулась, а он как ни в чем не бывало отправился дальше, даже не взглянул на меня.

— Ник!

Спустившись на пару ступеней, он обернулся, глянув на меня через плечо.

— Зачем ты поспорил с Норой из-за оценок?

— Затем, что она неправа... И я был неправ. Во многом. Я не понимала его. Сколько ни силилась, не могла понять, что происходит в блондинистой голове.

— Зря ты это сделал. Она не простит. Ты же понимаешь...

Он усмехнулся и, небрежно подмигнув, пошел дальше, а я по-прежнему топталась на верхней ступени.

— Ты чего здесь? — тягучий голос Стеллы отвлек меня от созерцания удалявшейся спины Доминика. — Забыла, куда идти? Я часто забываю.

Я кашлянула, пряча смущенный взгляд. Подруга сама себя могла забыть. Удивительно, как при такой рассеянности она умудрялась показывать в учебе неплохие результаты.

— Я задумалась. О завтрашних занятиях.

Проще соврать, чем объяснять ей, что у меня случился

душевный разлад из-за поступка Доминика.

— А у нас завтра полигон, — тут подхватила Стелла, — говорят, сегодня заставляли ползать по грязи. Наверное, было интересно.

— Не то чтобы очень.

При воспоминаниях об утреннем забеге у меня начало хрустеть на зубах и чесаться в труднодоступных местах.

— Я пойду, — внезапно встрепенулась Стелла и, перескакивая через несколько ступенек, побежала вниз.

Она изначально была чудной, но чем дальше, тем становилась страннее. Я уже начинала за нее беспокоиться.

С началом комендантского часа Вэсмор привычно затих. Адепты сидели по своим комнатам, а перед корпусами прохаживались только Стражи да дежурные преподаватели. Вдобавок снова пошел дождь.

— Когда все это закончится? — уныло поинтересовалась я, наблюдая, как подруга уже битый час отрабатывает боевое плетение.

От ее стараний в комнате уже было душно, и серое дымное марево клубилось по полу.

— Сразу, как только поймают убийцу. — С пальцев Кайлы соскользнула очередная серебристая змейка и, не успев сформироваться в полноценное плетение, врезалась в стену над моей кроватью и оставила черный след. — Проклятье. Я не понимаю...

Привыкшая к высоким оценкам и крайне требовательная к себе, Кайла бесилась, когда у нее что-то не получалось.

— Это же просто! Вот смотри, — подвинув ко мне учебник для боевых магов, она потыкала пальцем в параграф, — я все правильно делаю, а ничего не получается.

— Получится. А пока надо проветрить.

Я распахнула окно, и в комнату тут же хлынул поток свежего влажного воздуха, взметнув дым, стелившийся по полу.

Пока проветривалось, я стояла, облокотившись на подоконник, и смотрела на корпус напротив. И взгляд сам полз к тому окну, за которым скрывалась комната Хеммери. В этот раз оно было задёрнуто занавесками, и меня снова заколотило от мысли, что Коул сделал это специально, чтобы уединиться со своей Эмми.

Неприятно, больно. И я понятия не имела, как избавиться от этой боли.

— Закрывай! — простучала зубами Кайла. — Холодно.

Ветер и правда выдул все тепло из комнаты, а я и не заметила.

— Сейчас, — потянула створку на себя, прикрыла ее, но прежде, чем успела опустить щеколду, снова посмотрела на мужской корпус. — А это еще что такое?

С козырька крыши на углу здания, едва заметно пружиня, свисала здоровенная черная капля. На что угодно могу поспорить, но еще минуту назад ее не было. Чуть глаза не сломала, пока всматривалась. Непонятно ни черта. Сумрач-

но, пасмурно... В надежде рассмотреть получше, я открыла окно.

И сопля, то есть капля, исчезла.

— Что за...

Я тряхнула головой, зажмурилась, потеряла глаза. А когда открыла их, капли по-прежнему не было. Почудилось, что ли? Еще раз окинув взглядом фасад здания, я пожалала плечами и закрыла окно. И снова сопля оказалась на месте, кажется, даже сдвинулась немного ближе центру.

Уже из принципа я опять открыла створку — капля исчезла.

— Не понимаю..

— Ты долго еще окном будешь хлопать? — проворчала Кайла. — Отвлекаешь!

— Иди-ка сюда.

— Мне некогда.

— Иди-иди. Это ненадолго.

С ворчанием Кайла откинула в сторону опостылевший учебник и подошла ко мне.

— Ну что? Снова кто-то голый бегаёт по комнате?

— Что ты видишь? — Я указала на место, где видела каплю.

— Ничего. Дождь, серую стену и вон в том окне на четвертом этаже кто-то скачет, изображая оленя.

Оленей в корпусе напротив было предостаточно, но сейчас они меня мало волновали.

— А теперь?

Я прикрыла окно.

— То же самое, — Кайла пожала плечами, глядя совсем не в ту сторону.

Пришлось ее направлять:

— Вон там!

Подруга наконец посмотрела куда надо и нахмурилась. Даже вперед немного подалась, пытаясь что-то рассмотреть.

— Ты видишь это?

— Черное? Висит и подрагивает? Вижу.

Висело и подрагивало уже не с края, а ближе к центру.

— А так? — снова распахиваю окно.

— Нет ничего. — Кайла отстранила меня в сторону и трижды повторила эксперимент. Открывала и закрывала створку. — Магия какая-то.

— Не к добру, — прошептала я.

Мы уже просто дергали створку туда-сюда. Когда окно было открыто, капля исчезала, когда закрыто — появлялась, но каждый раз сдвигалась чуточку вперед. И если впервые я ее заметила на углу мужского корпуса, то теперь она висела посередине и не под самой крышей, а между третьим и четвертым этажом.

Капля то становилась толстой и короткой, то вытягивалась, словно щупальце неведомого чудовища.

— Смотри! — Кайла подскочила и указала рукой в другую сторону.

На противоположном крае появилась еще одна капля и медленно начала сближаться с первой.

— Это... это... — Кайла крутила в воздухе пальцем, пытаясь подобрать слова, — это какая-то гадость. Откуда оно вытекло?

Чем дольше я всматривалась, чем дольше наблюдала, тем меньше мне это нравилось:

— Оно не течет. Оно ползет.

Сквозь сумерки и серое марево дождя было сложно различить детали, но нет-нет, да и удавалось зацепить взглядом отростки, вытягивавшиеся из черных тел в тот момент, когда створка двигалась.

В груди заколотилось. Больно и сильно. Особенно когда обе капли сошлись на стене как раз напротив нашего окна.

Кайла еще раз открыла окно:

— Снова пропали.

Закрыла.

На месте оказалась только одна сопля. Второй не было.

— И где она? — Кайла облокотилась на подоконник и вытянула шею, пытаясь рассмотреть что-то внизу. — Свалилась, что ли?

На земле под окнами был все тот же пожухлый осенний газон, никакой черноты. Мы удивленно переглянулись. Не знаю, как у Кайлы, а у меня по спине стелился гадкий липкий холод. И когда подруга в очередной раз открыла-закрыла окно, этот холодок превратился в ледяные когти, со всего

маха впившиеся под ребра.

Второй капли тоже не стало.

— Исчезли, — выдохнула соседка.

И мы обе до рези в глазах всматривались в мужской корпус, пытаясь найти ЭТО.

— Может, в комнату к кому-то заползло?

Меня перетряхнуло. Не хотела бы я оказаться на месте тех, к кому пожаловали такие гости. Однако время шло, но ничего не происходило. Ни в одном из окон противоположного корпуса не было ни паники, ни чего-то странного. Капли-сопли просто исчезли.

Дождь усиливался, сумерки становились все гуще.

— Дурь какая-то. — Кайла потянула фрамугу на себя. —

Надо еще раз попробовать.

Она высунулась наружу, посмотрела по сторонам, чтобы убедиться в том, что все в порядке. И именно в этот момент у меня будто в голове что-то разорвалось. Полыхнуло алым маревом и ударило в грудь, выбивая воздух.

— Назад! — завопила я и, оттолкнув Кайлу в сторону, захлопнула створку.

— Ты чего? — подруга неуклюже повалилась на пол. — С ума сошла?

— Тихо, — цыкнула я на нее.

— Что?

— Тсс.

Сверху прямо перед нашим окном свесился и набух чер-

ный отросток.

— Ой-ё-о...

Кайла, помогая себе локтями и пятками, отползла подальше от окна, я тоже отступила.

Тем временем рядом с первым появился второй отросток. Теперь, когда они появились так близко, их можно было рассмотреть. Поверхность черная, матовая, будто отъедавшая свет у пространства, и вокруг короткие завитки клубящегося дыма. Оно было живым и в то же время чуждым жизни. Страшным, уродливым. И оно действительно не текло. Десятки тонких длинных щупалец-жгутов беспрестанно мельтешили и шлепали по стеклу.

— Они щупают окно, — выдохнула Кайла, тихо поднимаясь на ноги, — надо уходить.

— Погоди. — Я перешла из одного конца комнаты в другой. Странное нечто, болтавшееся снаружи, никак не отреагировало на мои перемещения. — Мне кажется, они нас не видят.

— Надо позвать стражей. — Кайла на цыпочках выбежала из комнаты, а я продолжала наблюдать, как черные непонятные субстанции свисали все ниже и ниже, пока не расползлись по подоконнику уродливыми кляксами...

Таковыми же, как та, которую мы с Ником видели в подzemелье.

Глава 3

Через минуту послышался топот. Кайла ворвалась обратно, а с ней и тот страж, что дежурил на первом этаже женского корпуса.

— Что у вас тут? — прогремел он.

— Тише, — Кайла замахала руками, — там.

Он успел подойти как раз в тот момент, когда пульсирующие черные щупальца с дымной поволокой соскользнули вниз.

— Это еще что такое? — спросил и потянулся к ручке, чтобы открыть окно.

Тут уж мы обе запищали:

— Не надо! Они увидят.

Я вообще не знала, умели ли эти штуки видеть, но почувствовать точно могли.

Невзирая на наши вопли, страж распахнул окно и выглянул наружу. Перегнулся через мокрый подоконник, пытаясь что-то рассмотреть внизу.

— Пусто.

Как только он шагнул обратно, мы с Кайлой наперегонки бросились закрывать створку. Страшно было до одури. Казалось, что еще миг — и черное нечто вернется и проскользнет в нашу комнату. И тогда никакой страж не спасет...

— Значит так, — сказал тот, — сидите здесь и никуда не

выходите. Понятно? Чтобы даже носа в коридор не высывали.

С этими словами страж покинул нашу комнату, а спустя минуту мы увидели его на ступенях крыльца. К нему тут же подтянулись стражи, патрулирующие территорию. После короткого разговора один из них устремился прочь, а остальные принялись обследовать женский корпус, просвечивая поверхность стен.

Черных капель не было. Ни на стенах, ни на газоне. Не обнаружили их и в комнатах, когда под возмущенный ропот девочек проводили всеобщий обыск. И в подвале тоже пусто. Они просто испарились.

И если бы со мной не было Кайлы, которая их видела, и стража, который тоже заметить уползавшие щупальца, то я бы усомнилась в собственной адекватности и подумала, а не приснилось ли мне все это.

— Тебя за это надо благодарить? — набросилась Диана, когда мы все топтались в коридорах. — Внимания не хватает? Решила хоть так его привлечь?

— Всю комнату перевернули, — жалобно подхватила ее соседка, — теперь убираться.

Остальные тоже подтянулись. Не жаловались, но расспрашивали, что я видела, где. Достали. Меня и так трясло, навалились воспоминания о катакомбах, а еще эти чайки налетели.

К счастью, в коридоре появился один из стражей и разо-

гнал всех:

— А ну цыц! Чего привязались?

— Да мы просто спросить... — проблеяла одна из девушек.

— Нечего спрашивать. Без вас разберутся.

Под его пристальным тяжелым взглядом адепки окончательно затихли и начали расходиться. В результате в коридоре остались только мы с Кайлой да блажная Стелла. Она без малейшего стеснения рассматривала меня, а потом выдала:

— Ты бледная совсем. Надо поспать. И тебе, Кайла, тоже надо.

— Сомневаюсь, что мы сегодня заснем, — криво усмехнулась Кайла, — после увиденного я глаза боюсь закрыть.

Я тоже. Я пыталась не думать о том, что было бы, увидь капли нас, и от этих мыслей становилось еще страшнее. Мурашки по спине в такт надрывному стуку сердца, потные ладони и ватные колени.

— У меня есть малиновое варенье. Маменька привезла, — как бы между прочим произнесла Стелла. — А еще я забрала булочку из столовой. Можем попить чаю.

Мы с Кайлой переглянулись. Чай? Да еще и с малиновым вареньем? Почему бы нет. Только когда Стелла позвала к себе, дружно отказались — не хотелось погружаться в ее царство сердечек. Вместо этого решили собраться у нас в комнате. Я заварила мятный чай, Кайла выложила конфеты на блюдце, а Стелла... Стелла как всегда.

Я думала, она принесет небольшую баночку с вареньем и пару круглых булочек, а она притащила ведро на три литра и батон под мышкой. Мы как увидели, так и прыснули смехом. И пока не просмеялись до слез, не могли остановиться.

— Не обращай внимания, это нервное, — прохрюкала Кайла, вытирая глаза.

Стелла, как всегда чудная и рассеянная, даже внимания не обратила на наш хохот. Поставила ведерко на стол, сняла с него крышку, перетянутую тряпицей, и блаженно втянула малиновый аромат.

Мы устроились за столом и принялись пить чай. Варенье было потрясающим, чай густым и ароматным, и в итоге мы так объелись, что могли только сонно хлопать глазами и икать.

— Я же говорила! Маменькино варенье лучшее! Вы уже розовенькие, а не бледные, как поганки.

— Мне и правда стало легче. Возможно, даже получится заснуть... без кошмаров.

Стелла склонилась через стол ближе к нам и шепотом спросила:

— Вы и правда что-то видели?

— Видели, — подтвердила Кайла, — два уродливых темных куска не пойми чего. Они ползали по тому корпусу, а потом переметнулись к нам и свисали прямо вот здесь... — подошла к окну и точно указала место, где болтались черные сопли.

— Жуткие? — благоговейно прошептала Стелла.

— Мерзкие. Если бы не наше волшебное окошечко... страшно подумать, чем все могло завершиться.

— Волшебное? — Стелла перевела взгляд на окно и нахмурилась, силясь понять, о каком волшебстве речь. Но, не заметив ничего особенного, пожала плечами. — Может, они и не собирались ни к кому залезать? Просто ползали и искали, чем поживиться.

Я тяжело сглотнула. Меня все больше одолевало ощущение, что эти черные капли не просто так барахтались возле общежитий. Они искали... меня. И поживиться им хотелось именно мной.

Не знаю, что это — чутье гончей или просто мнительность, — но я была почти уверена, что пришли они по мою душу. И если бы не волшебное зелье на окне, им бы удалось меня найти.

Чай еще был не допит, варенье не доедено, когда раздался стук, от которого мы все подскочили.

— Адептка Найтли! — прогремело за дверью.

Я чуть ложку из рук не выронила.

— Иди открывай, — прошептала Кайла, — опять за тобой пожаловали.

Ох, бедная я несчастная. Когда этот день уже закончится?

На пороге стоял незнакомый страж. Высоченный, как и все остальные, суровый, и смотрел так, что невольно хотелось хвостик поджать и присесть.

— Д-да? — проблеяла я.

— К ректору.

— Сейчас? Так ведь спать пора...

Еще один выразительный взгляд — и я заткнулась. Какое спать? Спать — это для слабаков.

На улице все еще шел дождь. В приглушенном свете фонарей его косые росчерки уныло вычерчивали блеклые дорожки. Пахло сыростью, прелой листвой и землей. Тот самый особенный запах осени, от которого всегда щемило в груди и накатывали мысли о прошлом.

Но сегодня меня больше волновало будущее. Что скажет ректор? Когда все это закончится? И что, если эти черные кляксы не ушли, а поджидают где-то поблизости?

На всякий случай подступила поближе к стражу. Потом еще ближе. В результате споткнулась о его ногу и чуть не повалилась на землю. К счастью, он меня поймал, поставил и хмуро поинтересовался:

— Цела?

— Да, — промычала я, выпрямляясь и покраснев до кончиков волос.

Главный корпус встретил нас зловещими темными окнами, однако внутри, в холле и на широкой мраморной лестнице, горел приглушенный свет. По пустынным коридорам угрюмым эхом разносились звуки наших шагов, а где-то за окном протяжно ухала сова. Не сказать что страшно, но мурашки бегали. Поэтому я облегченно выдохнула, когда уви-

дела полосу пробивавшегося из-под двери ректорского кабинета яркого света и услышала чьи-то голоса:

— Если хотя бы на минуту допустить, что этот Орден не просто сборище пьянствующих фанатиков, то...

Страж отрывисто постучал по косяку, и разговор оборвался.

— Я привел адептку Найтли.

В кабинете было всего трое: Райдо, развалившийся в кресле возле стены; Магистр Хейден, неспешно прохаживающийся вдоль полок с книгами; и сам ректор, привычно восседавший за массивным столом. Несмотря на позднее время, все они были в форме.

— О, а вот и она, — ухмыльнулся Райдо, когда я зашла, и дверь за мной тихо прикрылась, — звезда года.

Почему-то стало стыдно.

— Ну, давай рассказывай. Что опять натворила?

— Ничего я не творила. Оно само.

Под пристальным взглядом троих взрослых мужчин пришлось снова рассказывать о том, как мы с Кайлой следили за перемещением черных капель-сопель.

— То есть вы стояли и хлопали створкой? — уточнил Райдо, делая рукой жест туда-сюда.

Я кивнула.

— Так, давай еще раз. Если окно было закрыто, то эти черные штуки были видны, если открыто — нет?

Снова кивнула.

— И что такого вы сотворили с несчастным окном, что оно начало так работать?

— Ну... — я замялась, — мы хотели сделать так, чтобы из соседнего корпуса к нам нельзя было заглянуть.

— У вас там что-то противозаконное?

Три пары глаз с немym вопросом. Мужики! Не понимают очевидных вещей. Я даже разозлилась:

— У нас там трусы и лифчики. А иногда и без них. Иногда прям вот, — указала большими пальцами на свое тело, — во всей красе.

Райдо подавился и закашлялся, ректор промолчал, Хейден поинтересовался совершенно ровным голосом:

— Найтли, а ты знаешь, что такое шторы?

— А вы пробовали жить в комнате с постоянно прикрытым окном? — набычилась я. — И стоит чуть эти шторы сдвинуть, как в окнах напротив десятok любопытных физиономий!

— Ладно, мы поняли, — усмехнулся магистр, — можешь не продолжать. Так что вы сделали с окном?

Скрывать это было невозможно, поэтому я с тяжким вздохом призналась:

— Мы нашли зелье, которое используют, чтобы скрыть истинное содержимое склянок, и нанесли его на стекло.

Хейден на миг задумался:

— А где вы взяли нужные ингредиенты?

— Ну... эээ... как бы... позаимствовали...

Была там пара ингредиентов, о которых говорить не хотелось.

— Мне даже интересно, где две адепки первого курса могли найти настойку из бычьих яиц.

— Мы ее заменили настойкой для улучшения пищеварения. Там это... бычье... в составе есть.

— За изобретательность пять баллов каждой. Но там еще много другого в составе есть.

Об этом мы тогда не подумали.

— Ладно. А чем заменили кровь девственной козы? Насколько мне известно, она не входит в состав легкодоступных зелий и настоек.

Еще одна ступень моего позора.

— Ну... — я пыталась подобрать слова, а трое мужчин выжидающе смотрели на меня, — в общем, мы решили, что я... могу заменить козу.

— Боги, Найтли... — простонал Райдо, прикрывая лицо ладонью, — ты просто... пффф.

— Тебе в детстве не говорили, что не стоит добавлять в зелья собственную кровь?

— В Муравейнике ничего не знают о зельях, — сухо напомнила я, — и, кстати, наша мешанина сработала — из корпуса напротив к нам теперь не заглянешь, да и черти эти сопливые нас не видели.

— Уверена?

— Абсолютно. Когда окно было открыто, твари двигались

в нашем направлении, а как только окно закрывали — они останавливались, словно не знали, куда идти.

— И какой из этого вывод, Ева? — спросил Ректор, который до этого молчал, задумчиво постукивая пальцами по столу.

От его взгляда у меня пересохло во рту. Я с трудом просипела:

— Они шли за мной.

Он кивнул.

— За тобой. Тот, кто это сделал, узнал, что на тебе закреп. Это может помешать ему творить бесчинства. Поэтому он послал своих прислужников разобраться с тобой.

Меня затрясло. Одно дело — подозревать это, и другое — когда вот так в лицо говорят страшные вещи.

— Вспоминай, кому ты говорила о закрепе. Кто в академии мог знать об этом?

Я вспомнила забитую до отказа столовую, сотни любопытных глаз и жадное перешептывание за спиной. Сморщив нос, виновато произнесла:

— Ммм... Все?

Ректор тяжело вздохнул, Хейден покачал головой, а Райдо угрюмо поинтересовался:

— Можно я ее сам задушу? Все равно ж помрет, бестолочь. Либо прибудет кто, либо сама себя изведет.

Я насупилась:

— Я не знала, что об этом нельзя говорить.

— А голову напрямь? Нет? Слишком сложно, Найтли?

Тогда я об этом не подумала, а сейчас жалеть уже было поздно.

Райдо раздраженно хлопнул по подлокотникам, поднялся с дивана и подошел к окну:

— Вроде умная девка... была.

Я почувствовала, как щеки наливаются румянцем.

— Я просто...

— Когда ты пришла на отбор, я даже удивился. Надо же, какая целеустремленность, сколько рвения, готова драть зубами и когтями, лишь бы добиться своего. Это внушало некоторое уважение. Было интересно наблюдать, как ты рвешься я к победе.

Хонер говорил спокойно, не повышая голоса, но с каждым словом в помещении становилось все холоднее. Ректор молчал, предпочитая наблюдать и делать одному ему ведомые выводы, магистр Хейден и вовсе будто растворился, отступив тень. В кабинете осталась только я и голос куратора, в котором сквозило откровенное разочарование:

— Когда ты набрала максимальное количество баллов при поступлении, все разговоры были только о тебе. Самородок, с отличными качествами... Гончая с прекрасными перспективами... Повторюсь, было интересно. Лично я ждал хорошей истории о том, как девочка с той стороны реки будет преодолевать трудности и брать вершину за вершиной. И что

в итоге?

Хмурый взгляд на меня.

— Не понимаю.

Я и правда не понимала, и от этого краснела все сильнее. Вроде все как обычно, идет своим чередом, не торопится.

— Тебя как подменили, Ева. При таком хорошем старте ты взяла и расслабилась. Твои успехи на учебе ничем не выделяются на фоне остальных. В некоторых местах даже слабее. По моему предмету — да, ты молодец. Ни одной такой девушки больше нет в Вэсморе, которая бы так самозабвенно летала по полосе препятствий, но... Но! Это ведь не все.

Жар на щеках становился невыносимым. Я думала, у меня все хорошо, но, судя по интонациям Райдо, ничего хорошего не было.

— Я стараюсь...

— Скажи, для чего ты поступала в Вэсмор? Какой была твоя первоначальная цель?

— Я хотела вырваться из Муравейника, стать магом, открыть свой салон рун.

— Салон рун? — усмехнулся Хонер. — И что ты сделала на пути к этой мечте? Насколько мне известно, госпожа Нора очень низкого мнения о твоих умениях. Более того, она уверена, что ты завалишь первую же сессию и покинешь нас.

Я скрипнула зубами:

— Госпожа Нора не очень ко мне благосклонна.

— А чего ты хотела? — удивился он. — Что все будут ид-

ти тебе навстречу и восхищаться? Будут помогать, утешать, становиться на твою сторону только потому, что ты это ты?

— Нет, но...

— Нора жесткая, требовательная и не всегда бывает непредвзятой, но что ты делаешь, чтобы покорить эту вершину? Ждешь очередного чуда?

От стыда хотелось провалиться сквозь землю.

— А что насчет твоих способностей Гончей? — снова вперил в меня вопросительный взгляд.

— Я чувствую Зов.

— И все?

Это вопрос поставил меня в тупик. В смысле — и все? Разве этого мало?

Видать, я выглядела совсем жалко, потому что Хонер недовольно крякнул и продолжил сам:

— Ты случайно поймала закреп на это дело. Оно когда-нибудь закончится, и все. Я ни в коем случае не умаляю твоих заслуг — без тебя бы мы не нашли ни Кая, ни Чейза. Но...

Я уже дергалась от этих его «но».

— ...Вас всего двое в группе. Ты и Доминик. Так вот его показатели в полтора раза лучше твоих. Такое чувство, будто ты решила, что и так сойдет. Мол, чувствую настоящий зов, а остальное ерунда. Как-нибудь, когда-нибудь... А ведь зов — это не только вдохновение. Это прежде всего работа. Никому не нужна гончая, которая сидит на булках ровно и

ждет, когда на нее снизойдет. Зов не только ощущать надо, но и понимать его природу, уметь управлять каналами, призывать по необходимости, задавать направление, а еще просчитывать дальнейшие шаги и выбирать безопасные маршруты. Потому что толку от мертвой гончей, какой бы чувствительной она ни была, ноль. И вот тут мы возвращаемся к началу разговора.

Я уже стояла ни жива, ни мертва, и не могла оторвать взгляд от пола.

— Первый раз на поиски ты отправилась с Лексом. К нему много вопросов... упрямый как черт, не слушает ни хрена. Но это у них родовое. И в безрассудстве его упрекнуть нельзя. Он точно знал, что делал. Отдавал себе отчет в каждом шаге, был готов отвечать не только за свои действия, — Райдо оторвался от подоконника и подошел ближе, — но и за тебя.

Непривычно было видеть его таким серьезным. Обычно он гонял нас по полигону, подбадривая криками и насмешками, испытывал на прочность, порой заставлял краснеть и шипеть от обиды, но всегда был эдаким бравым воякой, которому досталась участь тренировать молодых да бестолковых. А вот так, строго глядя в глаза, выдерживая абсолютно ровный, жесткий, без единой эмоции фон, он говорил впервые.

— Второй раз ты ломанулась сама, никому не сказав. На твое счастье, за тобой увязался этот дурень Оливио. Знал,

что получит по шапке, если отпустит тебя одну.

Только сейчас до меня дошло, что Райдо уже тогда сомневался в моей адекватности и способности трезво оценивать ситуацию.

— И с Кайлой повезло. Я надеюсь, ты это осознаешь, а не думаешь, что справилась бы со всем сама. Без них.

Казалось бы, краснее красного цвета нет, но щеки начинает калить еще сильнее.

— И что делаешь ты после всего этого? Вместо того, чтобы включить голову, мотать на ус и готовиться, разбираться с тем, что тебе дано, ты просто берешь и вываливаешь на всеобщее обозрение важные подробности. Просто выходишь перед толпой и в полный голос говоришь: вот она я, в моих силах помешать вашим коварным планам, можете меня прибить.

— Я не рассматривала это в таком ключе.

— Не надо лукавить, Найтли. Ты вообще это не рассматривала. Ни в каком ключе. — Райдо непреклонен. — Знаешь, чем больше способностей, тем больше спрос. Вырвалась из Муравейника — молодец. Но это только первый шаг, начало пути. И ты делаешь все, чтобы до конца этого пути не добраться. Я сейчас не только про возможность отчисления. Неужели ты ни разу не думала о том, что на месте этих несчастных с вырванными сердцами можешь оказаться ты сама?

Я беспомощно всхлипнула.

— Ты ее запугал, — подал голос Хэйдэн.

— Ничего. Может, так придет в себя... Если ее, конечно, волнует хоть что-то, кроме страданий по Хеммери.

— Я не страдаю!

— Нет? А мне вот кажется наоборот. Смогла вырваться из трущоб, освободилась от притеснений со стороны мачехи. Сытая, одетая, обутая. Возможности есть, только бери да делай. Но встретила парня — и все. Скажи, чем ты отличаешься от тех, кто не поступил? Кто шел сюда только за женихом? Ничем.

Вот сейчас точно провалюсь сквозь землю.

— Да нет же...

— Да, Найтли. Да. Когда летала на крыльях — не думала ни о чем. Когда крылья обломали — мысли и вовсе прекратились. Ах, я бедная, несчастная, меня обидели, пойду страдать. Остальное подождет, а учеба уж точно никуда не денется.

Блин, ну почему все в курсе моих отношений с Коулом? Кому какое дело, кто с кем встречается, кто кого обманывает, а кто потом страдает?

— Хеммери — это Хеммери, — продолжил Райдо, — Он тот еще козленок. Хотя, если честно, тоже неприятно удивил. Дури в нем много, и проблем всегда доставлял выше крыши, но подлым никогда не был... Впрочем, неважно. Не о нем сейчас речь. Да и к тому же как бы он ни чудил, это никак не сказывается на его результатах. Чего не скажешь о

тебе. В Вэсморе тебя приняли благосклонно, но это не значит ровным счетом ничего, если ты сама не будешь стараться. Не включишь, — он бесцеремонно уперся пальцем мне в лоб, потом и вовсе постучал, — мозг. Не вытащишь на свет ту Еву, которая ставила цели и шла к ним. Если ты не собираешься этого делать, то просто сдай форму и уходи.

После этих слов я окончательно перепугалась.

— Я не хочу уходить.

— Все зависит только от тебя. Я прав, господин ректор?

Молчавший до этого Хор'рейн неспешно кашлянул, прежде чем ответить:.

— Безусловно. Но... никаких сдач форм. Закреп есть, дело не закрыто, поэтому Найтли останется в академии, несмотря ни на что. Мы просто не можем позволить ей уйти, да и результаты не так уж плохи. Да, ожидали большего, но она не хуже многих. Первая сессия покажет, как обстоят дела на самом деле. Но насчет Хеммери вы правы. Он либо занимает все ее мысли, либо провоцирует на необдуманные шаги. А из-за закрепа это опасно не только для нее, но и для окружающих. Поэтому я отправляю его на практику в Северный удел. Они как раз прислали запрос на одного добровольца. Он пробудет там ровно до того момента, как это дело будет закрыто.

Райдо бросил на меня недовольный взгляд, мол, из-за тебя все, бестолочь, и уточнил:

— Но это может затянуться на неопределенный срок.

— Значит так тому и быть.

У меня екнуло и заколотилось сердце. Не общаться, но знать, что он где-то рядом, что есть возможность его увидеть — это одно, но если его увезут неизвестно куда и неизвестно на сколько... От одной мысли об этом стало тошно.

— Вот смотрите, — Райдо возмущенно указал на меня обеими руками, — что и требовалось доказать. У нее уже глаза на мокром мете. Какая тут учеба, какие руны...

— Ничего подобного, — некрасиво шмыгнула носом, — я просто...

— В ужасе? — подсказал Хонер, снова возвращаясь к язвительно манере общения. — От того, что из-за тебя дурного, но вполне себе перспективного кабанчика отправляют из академии на неопределенный срок?

— Не нагнетай, — усмехнулся ректор. — Благодаря отбору Коул освобожден от экзаменов на целый год. А в Северном уделе дают отличную подготовку в полевых условиях. И запись об этом идет в личное дело. Хеммери будет только в выигрыше.

— Если это из-за меня, то не стоит, — просипела я, — я все поняла. Расслабилась, не думаю о последствиях, не стараюсь. Исправлюсь... Обещаю.

— А уже поздно, дорогая адептка Найтли, — Райдо развел руками, — все, тю-тю. Теперь только ждать, когда весь этот бедлам раскроется и опасность пройдет. Раз сама не смогла проконтролировать, значит это сделаем мы.

Коул точно меня возненавидит за такое. Он любит Вэсмор, любит группу и веселую жизнь адептов, а из-за меня его сошлют к черту на куличики в полевые условия. Не радовало даже то, что так он не сможет видеться с Эмми.

— Это еще не все, — продолжал ректор, — из-за твоей чрезмерной откровенности твоя жизнь под угрозой. Я бы хотел сказать, что в Вэсморе абсолютно безопасно, но увы, последние события доказывают обратное. Поэтому вот... — Он выдвинул верхний ящик стола, достал простенький браслет из деревянных бусин. — Сигнальный оберег. С его помощью мы всегда будем знать, где ты и не грозит ли тебе опасность. Надень. И никогда не снимай.

Я послушно натянула его на правое запястье

— И никому не говори о том, что это такое.

Я опустила рукав, пряча вещицу от посторонних взглядов.

— Мы будем рядом, но помни, что твоя безопасность зависит и от тебя тоже.

— Все поняла, — удрученно кивнула, — могу я идти?

— Иди, Ева. И подумай о том, что сегодня тебе сказали.

— Хорошенько подумай, — донесся недовольный голос

Райдо, когда я уже дошла до двери. — Головой! А не как обычно!

Сил не осталось. Этот разговор опустошил меня, содрал защитное одеяло, обнажив некрасивую правду.

Они правы. Я расслабилась и забыла зачем сюда пришла, растворилась в сытой жизни и решила, что она навсегда. Все-

го пять лет, которые еще надо продержаться в академии, а потом либо вперед в светлое будущее, либо обратно в Муравейник.

А Коул... О Коуле лучше не думать. Он мое слабое место. Моя боль, от которой я отчаянно мечтаю спрятаться.

Глава 4

Диана налетела на меня на следующий день.

— Это все из-за тебя! — схватила меня за грудки и при-
нялась трясти, как перезрелую сливу.

— Пусти!

Я ухватила ее за запястья в попытке отлепить от себя, но она прицепилась, как клещ, и продолжала голосить:

— Какого хрена ты присосалась к моему брату?! Пиявка!

— Я не присасывалась...

Она меня не слушала. Ей вообще было плевать на то, что я говорю:

— Думаешь, я не знаю, что это из-за тебя Коула выслали из академии? Думаешь, не понимаю этого? Наговорила, по-
ди, ереси всякой, слезу пустила. Гадина! Ты во всем виновата!

Я все-таки оттолкнула ее от себя, поправила сумку, сползшую с плеча, и ринулась прочь, а вслед мне летело ядовитое:

— Проваливай обратно в ту дыру, из которой выползла!
Никому ты здесь не нужна!

К счастью, людей поблизости не было, и никто не видел этот некрасивый эпизод. Но что делать с собственным смятением и с тем, как надрывно kloкотало в груди?

Завернув за угол, я заставила себя сбавить шаг и дальше идти спокойно. Вот только ноги предательски тряслись и в

голове звенело.

Значит, Коула уже отправили... Даже взглянуть не дали. Что ж так тошно-то?

Занятие по топографии я высидела с огромным трудом. Мысли расползались, как тараканы, и все время, что преподаватель бухтел у доски, я скакала от одного воспоминания к другому. Как познакомились с Хеммери, как преодолевали препятствия, как он мне помогал, наш первый поцелуй. Потом врывались картинки: Коул в обнимку с Эмми.

Предатель! Но он не заслужил того, чтобы его отправили прочь из Вэсмора. Это наше с ним личное дело, наши неказистые отношения, наша неудача. При чем здесь учеба? И даже причина, которую озвучивал Райдо — мол, гончую с закрепом на важное дело коротит из-за любовных переживаний, — и то не казалась достойной. Справилась бы я со своими переживаниями, не сахарная.

Неприятно признавать, но Диана права. Это моя вина.

Поле топографии нас ждало практическое занятие с магистром Хейденом. Мы уже изучили все простейшие энергетические контуры, научились нащупывать их внутри собственного организма и теперь предстояло научиться находить и анализировать их у кого-то другого.

Последнее, чего мне хотелось, — это лапата Ника, но преподаватель был неумолим.

— Вы сколько угодно можете враждовать, но в крити-

ческой ситуации, когда вас будет объединять общий враг, должны будете прикрывать друг другу спины и вытаскивать.

— Мы не враждуем, — холодно отозвался Ник, — у нас нейтралитет.

Не соврал. После случая в катакомбах наши отношения изменились. Нет, мы не стали закадычными друзьями, не ходили за руку и не хихикали по углам, обсуждая последние сплетни. Конечно нет. Но и прежней ненависти больше не было. Ник не мешал мне, я не мешала ему. Мы просто научились жить на одной территории и не трогали друг друга.

Оливио протянул мне раскрытую ладонь, и я без сомнения вложила свою.

— Почувствуйте тепло другого.

— У нее руки, холодные, как у лягушки.

— А у него потные.

Помириться помирились, а привычка покусывать осталась.

Магистр Хейден не обращал на наши причитания никакого внимания.

— Закройте глаза. Настройтесь.

— Слышала? Глаза закрой.

— Сам закрой.

Вот так, ворча и переругиваясь, мы с трудом продирались сквозь хитросплетения чужих энергетических потоков.

У Оливио было сильное сердце, да и каналы все четкие и яркие. Жесткие, как у дровосека. Лечить и исправлять там

было нечего.

— О боги, что это за фигня? — простонал он.

— Что вы видите, адепт Оливио? — участливо поинтересовался преподаватель.

— Какая-та мешанина. Вот здесь, — указал пальцем мне на грудь, потом на голову, — и здесь.

— Адептка Найтли больна?

— Здорова, как лошадь. Но я не могу понять, что такое пульсирует...

— А это ее сердечные переживания.

— Так! — возмутилась я, выдергивая у Ника свою ладонь.

— Оставьте в покое мои переживания. Они никого, кроме меня, не касаются! Что это вообще за наглость такая?

Магистр Хейден проигнорировал мой протест и снова обратился к Оливио.

— То, что ты увидел — это душевная боль. Против нее бессильны и лекари, и все остальные. Если вдруг в бою или в другой сложной ситуации ты нащупаешь такое — не трать силы и время. Тут не помочь. Все, что вы можете — это бороться с физической болью. Найтли, спасибо за демонстрацию.

— Я так рада, что помогла, — пробухтела с сарказмом.

— На следующем занятии мы отправимся в лазарет и посмотрим контуры бедолаг, которые действительно плохо себя чувствуют. На сегодня все.

После этих волшебных слов Доминик испарился, а я со-

биралась неспешно. В голове гудело, эмоции на разрыв, но сомнений больше нет.

Подступив к преподавательскому столу, я твердо произнесла:

— Я готова отдать вам руну в обмен на сведения об амулете.

Хейден поднял на меня непонимающий взгляд:

— Тебе зачем это?

— Хочу во всем разобраться сама.

Он тяжело выдохнул сквозь неплотно сжатые губы и покачал головой:

— И без тебя разберутся. Что ты делаешь?!

Я расстегнула верхние пуговицы и спустила рубашку с плеча, демонстрируя все еще бледный контур цветка.

— Она может стать вашей.

Глаза жадно блеснули, но голос магистра оставался по-прежнему спокойным.

— Ева, не стоит. Руна — вещь ценная, а информация, о которой я говорил, на самом деле сплошная ерунда. Поверь, оно того не стоит. Мой предложение было опрометчивым и недопустимым.

Я упрямо мотнула головой:

— Я хочу знать. Ректор сказал, что Хеммери вернут обратно, когда с этим делом будет покончено. Значит, я должна сделать это как можно быстрее.

Кажется, он сказал что-то очень неприличное — я не

разобрала отдельных слов.

— Найтли! Цель у перевода Хеммери — обезопасить тебя, а не спровоцировать на поиски!

— Да мне плевать, какая цель, — я пожала плечами, — мне нужно разобраться с этим делом как можно быстрее. Поэтому я предлагаю вам руну в обмен на сведения об амулете. Если откажитесь — буду искать кого-нибудь еще.

— Кого? — насмешливо спросил магистр.

— Не знаю. Но в конце концов я гончая с закрепом. Так что разберусь.

— Найтли!

— Вы подумайте над моим предложением. Но не слишком долго, — я натянула рубашку обратно на плечо и застегнула пуговицы, — а то я отдам ее кому-то другому.

С этими словами я прихватила сумку и убежала из аудитории.

После разговора с Хейденом я чувствовала себя так, будто вот-вот и у меня хвост загорится. Может, он прямо сейчас рассказывал ректору о том, что удумала бестолковая адептка Найтли, и Хор'рейн сидит такой за столом, глаза рукой прикрыл и вполголоса: «Ну дурна-а-ая... Давайте ее выгоним, и дело с концом». Вряд ли Райдо, читая лекцию о моей безрассудности, рассчитывал на то, что уже на следующий день я решу, что засиделась и что надо срочно действовать, чтобы вернуть несправедливо удаленного Хеммери. Наверное, цель у той речи была иная, но увы...

Остаток дня я провела как на иголках, а вечером, когда уже стемнело и комендантский час был в разгаре, долго смотрела на темное окно в корпусе напротив. Смотрела, думала, вздыхала. Потом взяла учебник по рунам и села напротив Кайлы, обложившейся со всех сторон книгами, тетрадями, журналами.

Я все равно считала, что госпожа Нора излишне ко мне цепляется, но делать-то нечего. Все, что я могла, — это просто учить. Просто вызубрить все эти черточки и линии, все эти наклоны, нажимы и хвостики так, чтобы от зубов отлетало.

На следующий день я предприняла еще одну попытку узнать, что же это за амулет такой, и при этом сэкономить руну. Подкараулила Лекса и задала ему этот вопрос. В ответ он мне тихонько постучал по лбу согнутой указательным пальцем.

— Эй! — возмутилась я.

— Вот тебе и эй. Займись лучше делом.

— Ты знаешь, что это за амулет?

— Понятия не имею.

— Врешь!

— Не понимаю, о чем ты вообще говоришь, — пожал плечами гад и попробовал уйти, но я встала у него на пути, уперлась ладонями в грудь.

— Скажи. Я же все равно узнаю!

— Удачи.

— Лекс!

Он посмотрел на меня сверху вниз, двумя пальцами взялся за мои запястья и отодвинул от себя.

— Найтли, уймись.

— Я не собираюсь униматься! Мне нужно разобраться с этим делом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.